

Перекрёстки N 1-2 / 2014

**ЖУРНАЛ ИССЛЕДОВАНИЙ
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОГО
ПОГРАНИЧЬЯ**

Европейский гуманитарный
университет

УКРАИНСКИЕ И МОЛДАВСКИЕ МИГРАНТКИ В ИТАЛИИ: ОСОБЕННОСТИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО МАТЕРИНСТВА

Abstract

The article discusses similarities and differences of transnational motherhood practices of Moldavian and Ukrainian women who migrated to Italy. The author argues that these practices depend on women migrants' perception of their migration strategy: as a new life course or as an economic activity aimed only at earning money. The author shows that redistribution of family roles between children and Ukrainian transnational mobile (grand) mothers occurs during the first several years of women's absence from Ukraine. The new patterns of distance relationships and communications are characteristic of Ukrainian women migrants while Moldavian women migrants are more engaged in reunification with their children after receiving legal status in Italy.

Keywords: transnational motherhood, Moldavian and Ukrainian women migration, Italy.

Контекст и постановка проблемы. Украинская и молдавская миграции занимают четвертое и шестое место в первой десятке иммиграционных групп в Италии (ISTAT, Population Census 2011). Обе эти миграции – женские (67% женщин из 132 тыс. молдаван в Италии и 82% женщин из 223 тыс. украинцев (ISTAT, Population Census 2011)). Украинское этническое сообщество занимает первое место среди всех иммигрантских сообществ в Италии по количеству женщин. В общем в Италию мигрирует больше половины всех молдавских мигрантов (Морару et al., 2012), из числа тех, кто выезжают в ЕС, а для украинцев Италия является наиболее привлекательной страной в ЕС после Польши (Libanova 2013).

Общей чертой социально-экономического контекста этих стран есть очень низкий экономический уровень, вы-

сокий уровень безработицы, что объясняет масштабные миграционные потоки. До сих пор, однако, эти две национальные группы мало сравнивались исследователями, особенно в перспективе качественной природы миграций с учетом их гендерных особенностей. Формы влияния мигрантов на членов семей, которые не мигрируют, изменения этничности и социальных связей в транснациональном пространстве, трансформации ценностей, идентичностей, жизненных траекторий и укладов мигрантов и мигранток под влиянием миграции – все эти вопросы остаются открытыми как в перспективе стран происхождения, так и страны назначения – Италии.

В этой статье рассматриваются транснациональные материнские практики мигранток – способы принятия решения о миграции матерями, организация быта членов семьи, и прежде всего – детей, которые остаются, выстраивание дистанционных отношений с ними, модели управления заработанными деньгами. Эти аспекты остаются практически неизученными, за исключением исследований Яровой (2006), Fedyuk (2011; 2012), Толстокоровой (2010) в украинском контексте. Особенности транснационального материнства молдаванок – а конкретнее, гагаузок, которые мигрируют в Россию или Турцию, – также рассмотрены в одиночных публикациях (Keough 2006).

Статья написана на основе анализа десяти углубленных полуструктурированных интервью, записанных с украинками разного возраста, социального статуса, типа миграции и пятью молдаванками – во время авторской экспедиции в Италию, реализованной в июле 2012-го, июле–августе 2013 года.

Результаты исследования. Итальянские исследовательницы Сабрина Маркетти и Александра Венчурини (2013), которые практически впервые сравнили миграционные паттерны молдаванок и украинок в Италии, показывают, что первые выезжают в молодом возрасте (30–35 лет) и нацелены на превращение своей временной миграции в постоянную. После начальных периодов адаптации и получения легального статуса они забирают свои семьи и прежде всего детей с собой в Италию. Среди украинок чаще выезжают женщины после 45, которые часто являются бабушками. Они мигрируют с целью обеспечения семей своих детей и нацелены на возвращение в Украину (Marchetti, Venturini 2013). Артикуляция этих тенденций, несомненно, является очень перспективной для будущих исследований женской миграции всего постсоветского пространства. С другой стороны, в случае украинок – женщины этой возрастной группы демонстрируют гораздо более широкий диапазон миграционных стратегий – с разными мотивациями выезда, способами адаптации и способами преобразования своей временной миграции в постоянную, чем это рассмотрено в статье. Кроме того, украинки мигрируют не только после сорока, но и в молодом возрасте, хотя и в меньшей мере. Таким образом, типичная для молдаванок миграционная стратегия характерна и для многих украинок. Кроме того, существует и миграция

«поколения 1,5» – детей мигранток, которые родились и выросли в Украине, а в подростковом и в совершеннолетнем возрасте переехали в Италию.

Также далеко не все мигрантки остаются работать в секторе домашнего труда. Молодые украинки, как и молдаванки, после начальной адаптации активно развивают свои социальные сети и коммуникационные контакты, причем по принципу не этнической близости, а личностной. И, собственно, часто – между собой.

(...) Мне легче было, приятнее было общаться с молдаванами – почему, потому что они моего возраста. Среди украинцев очень нелегко найти друзей моего возраста. Если молодежь, то это ребята, которые гораздо моложе, те, кто уже приехал с родителями, кому мамы сделали фамильяре (документы на воссоединение семьи. – С.О.). И они приехали. Я им не интересна как личность, я их понимаю. А у молдаван – они все моего возраста, лет тридцати. Это девушки и парни, которые закончили университет в Кишиневе или здесь учатся. То есть это уже другой уровень (Марьяна, 37 лет, Падова)¹.

Многие украинки, которые мигрируют, замужем, и у них есть дети. Эти женщины выезжают, в основном, в возрасте после 40 лет, планируя финансово помочь своим детям, родителям и вернуться. Решение о миграции они принимают сами или советуясь с детьми, поскольку эмоциональная связь с мужем уже очень слабая или отсутствует вообще.

(...) С детьми я советовалась – сын был против. У него была страшная депрессия, ему тогда было 19, а дочери – 18. Поступил сам в колледж, на бесплатное отделение. Это было в 2005 году, когда я уехала, после развода с мужем. Он (муж. – С.О.) еще поехал на какую-то работу, и я еще очень надеялась, что он что-то заработает, чтобы детей не оставлять и маму одних. Но надежды были напрасными, он все пропил, и я все-таки должна была ехать в Италию (Надежда, 47 лет, Рим).

Следовательно, миграция украинских замужних женщин является не только попыткой решить материальные проблемы, но часто и актом фактического разрыва семьи, на который они не решились официально, через давление традиционного окружения. Особенно это касается женщин из сельской местности.

(...) К тому времени, первый год было очень трудно, хотела оставить мужа. Обида, что он не сделал то, что должен был сделать. Когда я сюда приехала (в Италию. – С.О.), я пыталась и для себя отложить денег, и для

ребенка, а он, когда был в Чехии, почти ничего не присылал нам. Вот наши мужчины, они без инициативы и ответственности (Елена, 33 года, Рим).

Если же отношения у супругов прочные, воссоединение семьи, то есть переезд мужа в Италию, происходит практически сразу после легализации женщины. Несмотря на четыре волны легализации, которые уже состоялись в Италии с 2002 до 2014 года, количество воссоединенных украинских семей значительно меньше, чем это предполагали итальянские эксперты². Это еще раз доказывает то, что миграция украинок обусловлена не только экономическими причинами.

Мне кажется, что в семье, где все нормально между женщиной и женщиной, мысль о миграции возникает очень редко. В крайней ситуации. Такая мысль возникает в семьях, где муж не приносит денег домой или где женщина не в состоянии заработать. Что-то такое есть. Я работала в школе, у нас было очень много долгов, не платили зарплату целый год. Год без зарплаты. Нам только недавно выплатили зарплату, года четыре назад я получила долги за 2005 год. У меня буквально не за что было учить, одевать, кормить детей, а муж сказал, что он ничего не может сделать (Катерина, 44 года, Рим).

Если отношения с мужем не разорваны, они также поддаются трансформации, и дети мигрантов иногда выполняют посредническую функцию между родителями, пытаясь урегулировать семейные конфликты на расстоянии.

(...) Когда приехали дети ко мне впервые, в Италию, они мне сказали: «Вы должны решить, что вам делать, вы уже нашего папы не узнаете, вы сами не знаете, что хотите, но решить должны сейчас, а не через полгода. Или вы уже едете, или забираете его к себе». Мне это сказали две моих дочери, им было 21 и 25 лет. Я спрашиваю: а сколько денег дома? Они говорят сумму, а это – копейки. А ехала я потому, что дочь поступила в университет на платное, а вторая ушла от мужа с двумя детьми. В доме четверо детей – дочери и внуки, и только моя зарплата (Оксана, 49 лет, Рим).

После первых лет в Италии женщины, которые якобы ехали на год или на два, даже после получения разрешения на проживание и работу в Италии не возвращаются домой. Причиной этого является совокупность факторов – недостаточность необходимой по мнению мигранток суммы для возвращения, отсутствие перспектив экономически стабильной жизни в Украине, а также психологическая неготовность/нежелание возвращаться.

При этом маленькие дети – до 14 лет – остаются на попечении близких родственников, чаще всего – родителей мигрантки, а дети подросткового возраста могут быть оставлены даже сами на себя, под формальным присмотром родственников или отца.

У мамы уже была несколько лет мечта – уехать, потому что там лучше. Я еще совсем маленькая была, где-то 11–12 лет мне было. Она как все уехала на юг, было очень трудно, но это я сейчас понимаю, а тогда ничего не понимала. Через год мама вернулась, без документов, ей поставили депортацию. Немного побыла на Украине, увидела, что лучше в Италии зарабатывать, и возвратилась назад, сама. Тогда Юля, моя сестра, поехала в Италию на три месяца, она еще была студенткой в то время в Украине. И ничего, когда я закончила школу, в 2003 году, Юля уже готовилась поступать в университет Италии. Я поехала следом за ней, мне было 16 лет.

Как мы жили? Сами, в деревне. Картошку садили, ягоды собирали. Мама высылала нам минимум, больше посылки, чем деньги. Это было правильно. Только морально было очень тяжело. А когда мы сюда приехали (в Италию. – С.О.), она сказала нам: выходите утром из дома, и вот там можно бесплатно поесть, там – взять одежду. Она не давала нам денег, мы должны были найти себе заработок самостоятельно. (...) Когда мама ехала первый раз, ей было 50, а сейчас ей 64 года (Ирина, 23 года, Флоренция).

Общаются женщины с детьми преимущественно по телефону и скайпу. В первые годы они могут также активно переписываться, с подробным описанием каждого повседневного события.

Первый год, когда была здесь, дочери исполнилось 20 лет, я не могла ее поздравить, но я пишу стихи и написала ей стихотворение (читает очень длинное стихотворение наизусть. – С.О.). Она в ответ написала мне письмо на 32 страницы, очень мелким почерком (Оксана, 47 лет, Рим).

Если женщина не забирает детей сразу после своей легализации (а это период от 2 до 4 лет), психологическая связь с детьми очень ослабевает.

(...) То есть пока я на расстоянии, все идет гладко. Все идет очень хорошо, мы друг друга понимаем. Когда я приезжаю домой, первые 2 недели – это такой период приспособления, и он очень тяжелый как с сестрой, так и с ребенком. Ребенок разрывается на две части. Она не знает, кого ей слушать – меня или сестру, которая заменяет меня, когда я в Италии. Сестра думает, что я вот сейчас приехала, значит, я на ее авторитет как-то повлияю, она очень боится, что когда я поеду, то ребенок перестанет ее слушаться.

Поэтому она тоже немножко возбуждена. Когда две недели – мой отпуск – заканчиваются, мы видим, что мы будто притерлись и ничего страшного не происходит – мир, покой, тишина. Наверное, материнские чувства, они со временем, как это ни странно, угасают. То есть, когда только в отпуске или приезжаешь в отпуск, ты живешь каждый день мыслью о ребенке. Чем дальше идет время, тем больше ты не только забываешь о ребенке, это невозможно забыть, но о том, что является его жизнью непосредственно. То есть ты не знаешь, что она сегодня ела, с кем она сегодня виделась, какие у нее эмоции, чем она живет, о чем она думает. Потому, когда мы говорим по скайпу, она всегда отвечает: «Мама, все хорошо». Она может рассказать о своих проблемах, а может и нет (Анна, 36 лет, Рим).

За период адаптации в Италии и ожидания легализации, поскольку женщина не возвращается в Украину из-за неурегулированности своего статуса, во взаимодействии с детьми происходит психологическое переключение ролей, и поэтому говорить о воспитании детей можно весьма условно. Скорее, о сотрудничестве, которое либо происходит, либо нет. То есть дети фактически назначаются ответственными «взрослыми» в этой транснациональной семье независимо от своего возраста. Матери апеллируют к их «взрослости» и «серьезности» и ждут от них правильных поступков, то есть таких, которые не принесли бы им слишком больших хлопот, сложно решаемых на расстоянии. Когда у женщины появляется возможность забрать детей в Италию, она делает эту попытку, но сами дети не всегда на это соглашаются. Многие из этих взрослых детей отказываются мигрировать в Италию навсегда, мотивируя свой отказ любовью в Украине и неуверенностью в своем будущем в чужой стране. Те молодые люди, которые переезжают, часто сталкиваются с различными эмоциональными вызовами и в какой-то момент иногда возвращаются в Украину.

Дети – все это время в Украине (12 лет. – С.О.). Дочь вышла замуж, родила нам внука, а у сына есть документы на воссоединение семьи, он заканчивает 11 класс и может приезжать в Италию. Но решил поступать в Политехнику во Львове. Я пробовала убеждать. Дочь категорически уже не хотела быть здесь. Наверное, несмотря на то, что любишь детей, надо учитывать, что они выросли без нас. Ухудшения наших отношений нет, но и улучшения тоже нет. В каждом конфликте с ними мы с мужем должны отступить назад (Наталья, 45 лет, Рим).

Нежелание переехать к матери в Италию частично может быть объяснено психологическим разрывом, который произошел вследствие многих лет дистанционной жизни. Очень часто, прячась за патристическими аргументами, молодые люди пытаются сохранить модель своей одинокой и самостоятельной

жизни в Украине, которую они создали за время отсутствия матери. Однако нередки случаи очень успешной быстрой интеграции в итальянское общество представителей «поколения 1,5», которые переехали в Италию в подростковом возрасте или совершеннолетними.

Модели коммуникаций и поддержки связей с детьми выстраиваются украинками и молдаванками очень по-разному. Часть детей, прожив несколько лет без матери, следуя ее примеру, также мигрируют в Италию на заработки уже после своего совершеннолетия.

Мы с сестрой остались, когда мама уехала в Италию, мы очень сблизилась. Сестра потом вышла замуж, родила ребенка, и у него было две мамы. С папой не сложилось. Я закончила институт, пошла работать, зарплата была чуть больше тысячи гривен, и думала: «Зато есть запись в трудовой книжке». Потом я нашла себе еще одну работу, работала сутками, писала научные статьи на английском языке. Работы были по медицине, экономике. Донецк большой, но работы нормальной не было. Купила самоучитель итальянского и через некоторое время поехала вслед за мамой (Марина, 25 лет, Флоренция).

Среди молдавских мигранток, как уже было упомянуто ранее, больше молодых женщин, а также матерей, которые намерены забрать детей и остаться в Италии насовсем. Они проживают отдельно от дома, в котором работают, тогда как украинки, особенно старшего возраста, живут вместе с хозяевами (Marchetti, Venturini 2013). После получения легального статуса молдавские матери в большинстве забирают детей к себе, которым на тот момент в основном до 14 лет, поэтому их адаптация происходит по принципу «one way ticket». До своего совершеннолетия, когда они могут самостоятельно принимать решение о возвращении в Молдову, если бы они этого захотели, они успевают адаптироваться в итальянском социальном пространстве, поэтому остаются в этой стране.

В новом транснациональном пространстве женщины обеих национальностей пытаются активно влиять на повседневную жизнь своей дистанционной семьи. Модели такого влияния, в частности, проявляются в контроле заработков, которые мигрантка пересылает семье. Подобно как и в филиппинской миграции (Пареньяс 2008), распорядительницей денег, заработанных мигранткой, становится старшая дочь, даже в тех случаях, когда есть старшие сыновья. Особенно это характерно для украинок. Дочь часто является ответственной за организацию быта, принятие основных решений в изменении жизненного пространства дома, покупки больших вещей наравне с матерью.

Мы общались по телефону, дочь все держала под контролем, все деньги держала в руках. Она на на год младше, но психологически сильнее моего сына (Наталья, 44 года, Рим).

Выводы. Миграция украинок и молдаванок, которая воспринимается их обществами происхождения как вынужденная экономическая стратегия, часто является кардинальной трансформацией всего жизненного проекта женщины, ее мировоззрения, ценностей, самоидентификаций. При этом часть женщин, и прежде всего украинок, большинство которых выезжает после сорока лет, часто де-факто разведенные (если они были замужем), несмотря на переформатирование своего социального, индивидуального пространства, изменение ценностей и идентичностей, происходящих в этой «временно-постоянной» миграции, все же продолжают рефлексировать свою жизнь в узкой «матрице заработков». Хотя части из них это не мешает развиваться и жить в итальянском обществе, строя долгосрочные планы на будущее. Осознание «точки невозврата» – не столько в социальное постранство страны происхождения, сколько к личностному «я» и к домиграционным жизненным установкам – больше характерно для тех украинок, которые выехали в 35–40 лет, чем для тех, кто выехал около 50. Молдаванки и украинки, которые выезжают как молодые матери, значительно больше нацелены на переезд в Италию навсегда, и поэтому их миграционные стратегии являются более гибкими. Весомым фактором в проблематизации мигранткой своей траектории является уровень ее образованности, социальный статус в обществе происхождения. Часть мигранток обеих национальностей осознают значение своих личностных изменений во времени миграции независимо от возраста и переориентируются на усиленную интеграцию в Италию. Другие же продолжают жить на «два мира», где главной остается страна происхождения, и 15 лет жизни в Италии – это прежде всего содержание родных в Украине.

Принимая решение о миграции, мигрантка не всегда может рационально организовать «пространство, оставленное позади», – из-за отсутствия опыта. Все происходит впервые, и поскольку миграция рефлексивируется только как возможность заработать деньги, даже через 5–8 лет жизни в Италии женщины, по привычке первых месяцев, высылают слишком большие суммы домой, несмотря на то, что главные покупки и ремонты уже совершены. Продолжают воспитывать детей по телефону или скайпу, не учитывая пространства и времени, которое их разделяет. Они и дальше функционируют в той начальной ментальной модели, которую создали себе еще в начале миграции и которая часто базируется на рекомпенсации чувства вины перед детьми. Они осознают свою миграцию как временный «заробитчанский» проект, который длится годами, и считают, что настоящая жизнь начнется после их возвращения в Украину, не осознавая, что, возможно, этого никогда не произойдет.

Немалую роль в усилении этого чувства вины у женщин играют публичные дискурсы о «плохих матерях» и «социальных сиротах», распространенные в постсоветских обществах. Как следствие, женщины, с одной стороны, фактически выстраивают новую жизнь в Италии и осознают это, а с другой – остаются в старых рефлексивных контекстах, оправдывая свою миграцию экономической «потребностью» поддерживать взрослых детей, которым часто уже 25–30 лет. Одновременно взрослые дети, которые получают несколько сотен евро ежемесячно, не спешат искать возможности самостоятельного обеспечения.

Следствием такой транснациональной модели взаимодействия становится финансовая неграмотность детей, ведущая к вседозволенности, а также к глубокому психологическому отстранению от матери. Если женщина не забирает детей в Италию, после того как получает право на воссоединение семьи, психологический раскол происходит окончательно, и именно этим можно объяснить нежелание детей переезжать к матери в Италию уже во взрослом возрасте. Хотя, поскольку среди украинок все же больше бабушек, чем матерей, описанная выше модель является распространенной, но, конечно, не единственной.

В случае молдаванок, которые часто выезжают в молодом возрасте (25–35 лет) – это молодые мамы, которые оставляют детей у своих родителей, однако после легализации забирают их в Италию. Эти женщины значительно больше нацелены на постоянное проживание в Италии.

Литература

- Морару, В., Мошняга, В., Руснак, Г. Молдавские трудовые мигранты в Европейском союзе: аспекты интеграции и проблемы возвращения. 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0515/analit01.php>.
- Одинац, С. Поняття «соціального сирітства» в сучасному українському науковому та суспільному дискурсах: до постановки питання // Етнічна історія народів Європи: КНУ ім. Шевченка [Електронний ресурс]. Режим доступа: <http://migration-research.com/novina.html?id=296>.
- Fedyuk, O. Beyond Motherhood: Ukrainian Female Labor Migrants to Italy. – Budapest: Central European University. Dissertation manuscript, 2011.
- Fedyuk, O. Images of Transnational Motherhood: The Role of Photographs in Measuring Time and Maintaining Connections between Ukraine and Italy // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2012. № 38:2. P. 279–300 [Electronic resource]. Mode of access: <http://dx.doi.org/10.1080/1369183X.2012.646422>.
- ISTAT Popolazione Straniera Residente, ISTAT, Roma, 2011.
- Keough, L.J. Globalizing 'Postsocialism': Mobile Mothers and Neoliberalism on the Margins of Europe // Anthropological Quarterly. 2006. № 79(3), P. 431–461.
- Libanova, E. (ed.) Report on methodology, organization and results of module sampling research on labour migration in Ukraine // International Labour Organization. – 2013.

- Marchetti, S., Venturini, A. Mothers and grandmothers on the move: Labour mobility and the household strategies of Moldovan and Ukrainian migrant women in Italy // International migration. – 2013.
- Tolstokorova, A.V. Where Have All the Mothers Gone? The Gendered Effect of Labour Migration and Transnationalism on the Institution of Parenthood in Ukraine // Anthropology of East Europe Review: Special Issue: Gender in Postsocialist Eastern Europe and the Former Soviet Union. – 2010. – Vol. 28, no 1. – P. 187.
- Yarova, O. The Migration of Ukrainian Women to Italy and the Impact on Their Family in Ukraine // Migration Processes in Central and Eastern Europe: Unpacking the Diversity. Multicultural Center Prague. – 2006. – P. 38–41.

Примечания

- ¹ Все имена респонденток изменены.
- ² Архив исследования. Интервью с Татьяной Кузик (советник по вопросам миграции с Восточной Европы в городском совете Рима).